

Александр Вулич

МОСКОВСКИЙ СПЛИН

Александр Вулич
Московский сплин

«Автор»

2025

Вулич А.

Московский сплин / А. Вулич — «Автор», 2025

Как вы могли наслаждаться «Голубой книгой» Зощенко, прогуляться по «Тёмным аллеям» Бунина, поворошить прошлое в «Чемодане» Довлатова, так и я приглашаю вас немного предаться «московскому сплину», прочтя о порой удивительных судьбах и необычных происшествиях в жизни обыкновенных людей, живущих в Москве. Очень хочу верить, что мне удалось сохранить добрые традиции написания короткого рассказа в рамках современной прозы. Впрочем, решать это вам.

© Вулич А., 2025

© Автор, 2025

Александр Вулич

Московский сплин

Предисловие

Здравствуй, читатель. Ты меня не знаешь, и, возможно, мы никогда не встретимся. Но как бы там ни было, чем-то твоё внимание всё-таки привлёк данный сборник рассказов. И это очень для меня ценно, приятно, хотя, скорее всего, я никогда об этом не узнаю.

Что могу сказать без лишней воды, чтобы ты не потерял интереса к данной книге. Название, признаюсь, отсылает к знаменитому и эпатажному Шарлю Бодлеру. С той лишь разницей, что у него был «Парижский сплин», а у меня сплин московский. Этот сборник рассказов был создан на основе реальных историй, произошедших со мной, моими близкими, друзьями, знакомыми, приятелями, хотя все имена вымышленные, а кое-что является моей точкой зрения, которую я, конечно же, никому не навязываю.

«Зачем?» – спросишь ты меня. Охотно отвечу, тем более, тут несколько причин. Во-первых, потому что не могу не писать. Только так мне удаётся заполнить внутреннюю пустоту. (Но прошу, не надо причислять меня к графomanам.) Во-вторых, со школьных лет я испытываю огромный интерес к истории как науке и любовь к рассказу историй, в смысле, баек. Данным сборником мне хотелось показать, как изменился в моих глазах родной город, на улицах и в домах которого переплелись судьбы совершенно разных людей – героев рассказов. В-третьих, хотя эта причина должна быть на первом месте, хочу показать тебе, читатель, что если ты разделяешь мои взгляды, то ты не одинок в этом огромном древнем городе, в этом мире, если вдруг ты читаешь мою книгу, живя далеко от Москвы. А это, как сказал один эпатажный музыкант, одна из главных задач музыки, литературы и искусства в целом.

Если написанное тебе кажется пронизанным минорным мотивом, уверяю, в течение повествования я посмеюсь, и не один раз. И это будет недоброе «хе-хе».

Очень надеюсь, что тебе понравится данный сборник рассказов, что мне удалось добраться до тончайших струн твоей души, и они будут резонировать в унисон с моими.

За комментарии и отзывы буду крайне признателен a_vulic@mail.ru

Пар и брань

Воздух в Москве пах сырой землёй, цветущими клёнами и новой надеждой, что зажигается каждый год в сердцах людей с приходом чистой и лучезарной девы-весны. Нежное майское солнце, освещавшее забрезжившую первой сочной листвой столицу, бросало свои ласковые лучи в комнату на Малой Дмитровке, окрашивая стены в пастельные тона, когда часы пробили пять вечера. За письменным столом в окружении тетрадей и книг сидела семнадцатилетняя Маша, которая в течение последнего часа занималась подготовкой к экзамену по русскому языку со своим репетитором Валентиной Николаевной.

– Так, Маш, смотри, – сказала сосредоточенно, нахмурив брови, сухая невысокая женщина лет пятидесяти с невероятно живой мимикой и грациозной жестикующей. – Так как у нас следующее занятие через два дня, в понедельник, в качестве домашнего задания у тебя будет лишь написание сочинения по теме «Какую жизненную цель можно назвать благородной?». План создания мы с тобой разбирали, над аргументами подумай, а после выходных вместе разберём. Ты сейчас, как я поняла, после занятия собралась гулять с подругами, это дело хорошее: развеешься, отдохнёшь, а завтра с новыми силами, свежей головой примешься за работу. Только сохрани разум чистым, понимаешь, о чём я? – глядя пристально в глаза ученице, произнесла женщина, лукаво улыбаясь. – Вопросы какие-нибудь по пройденному материалу или по домашнему заданию есть?

– Нет, Валентина Николаевна, всё понятно, – устало протянула золотоволосая девушка с серыми глазами и маленьким вздёрнутым носиком, закрывая рабочую тетрадь. – Спасибо большое за занятие, деньги мама оставила в прихожей.

Встав из-за стола и взяв свою сумку, висевшую в течение всего занятия на спинке стула, учительница прошла в залитую тем же нежным весенним солнечным светом, бьющим сквозь кухонные окна, прихожую, а следом за ней проследовала девочка-подросток, на ходу довольно потягиваясь.

Взяв с комода предназначавшийся ей белый конверт, женщина вытащила из него новые шуршащие купюры и начала пересчитывать, как вдруг услышала от своей ученицы: «Ох, Валентина Николаевна, завидую я вам, конечно».

Не успев убрать банкноты в свой кошелек и держа их в руках, преподаватель русского языка с непониманием и одновременно неподдельным интересом устремила взгляд на тонкокостную, с анемично-бледной кожей молодую девушку, которая заискивающе улыбалась. А её серые глаза блестели по-детски озорным огоньком, какой бывает, когда ребёнок собирается сказать что-то очень умное, по его мнению, и надеется на похвалу старших.

– Не понимаю тебя. Что ты имеешь в виду, Маш?

– Да я о том, что завидую вам и вашему поколению, которое выросло в 70-80-х годах в Москве, Валентина Николаевна! – с невероятным восторгом в голосе ответила школьница, пока её учительница начала обуваться, убрав деньги. – Вот тогда было по-настоящему свободное время: никаких камер на столбах и фасадах зданий, не было такого огромного количества полиции на улицах. Делай что хочешь!

– Знаешь, Маша, я так тебе скажу, – завязав шнурки на миниатюрных полуботинках и выпрямившись, начала свою речь Валентина Николаевна раздражённым голосом, который до сего момента был мягким и доброжелательным. – Ваше поколение позволяет вести себя так и делать те вещи, которые мы не могли: вы сидите на лавках и сидениях в общественном транспорте, задрав ноги в грязной обуви, кричите, ругаетесь матом, распиваете спиртное, курите и парите в любом общественном месте, где вам заблагорассудится. В моё же время за такое поведение любой равнодушный гражданин мог подойти и, как минимум, сделать замечание, а то и вовсе оттрепать за ухо или отвесить подзатыльник. Этот же товарищ мог и вовсе отвести такого ребёнка к родителям, чтобы те знали, чем занимается их чадо, и предприняли меры, – заключила женщина, показывая всем своим видом всю бурю негодования, которая копилась в ней, как можно было заключить, очень давно.

Мгновенный всплеск недовольства будто вызвал одномоментную вспышку холодного, как металл, платиново-белого света вокруг сухого тела, который словно уничтожил, иссушил желтоватую теплоту солнечных бликов на стенах прихожей.

Светло-русые брови женщины нахмурились; карие глаза словно окрасились в чёрный; тонкие губы исказила гримаса омерзения, лёгкий румянец пропал со щёк. А от всегда милой и радушной Валентины Николаевны повеяло крайне непривычным холодом, будто она приняла облик неистовой повелительницы снегов, её пепельно-белые волосы и бледная кожа в тот момент лишь дополняли этот образ.

От такого резкого и остервенелого выпада хитрая улыбка вмиг слетела с нежного подросткового личика, озорные огоньки погасли в серых глазах, а осанка стала как у побитого кота. Девушка не нашла ничего лучше, чем отчаянно выпалить:

– Да какое он имеет право делать мне замечание, а тем более применять физическое насилие?

– А какое право имеете вы, дети, материться в общественных местах, курить и парить?

Почётная профессия

«Окончишь медицинский институт, станешь врачом, будет у тебя свой светлый кабинет и удобное кресло, уважаемая должность, почётная профессия, хорошая зарплата», – всплы-

вали в голове Михаила Сергеевича слова его матери, которые та твердила ему в школьные и студенческие годы.

Достаточно молодой, но уже успевший немало повидать на своём профессиональном поприще, Михаил Сергеевич сидел на освещённой уходящим сентябрьским солнцем, еле-еле пробивавшимся сквозь серо-бурую пелену кучевых облаков, кухне в полном одиночестве. Часы на стене нежно-молочного цвета, под скудным освещением преобразившейся в серую, показывали 16:45. Перед ним стояла нетронутая тарелка с картофельным пюре и отварным минтаем, еда успела остыть за то время, что доктор сидел за столом и испулённо глядел на початую бутылку коньяка и бокал, от янтарно-чайной маслянистой жижи в котором несло клопами, что вызывало чувство тошноты. Но мерзостное ли пойло, успевшее обжечь горло и пищевод, наполнив пустой желудок теплом, было причиной тошноты?

Михаил Сергеевич практически поминутно вспоминал прошедший день. В 5:45 он поднялся с третьим звонком будильника и, не проснувшись в полной мере, машинально стараясь ступать как можно тише, чтобы не разбудить жену, поплёлся на кухню варить кофе и готовить завтрак. К 6:15 он успел облегчиться, принять душ, сварить кофе и приготовить глазунью с овсяной кашей. К 6:40 завтрак был окончен, в 6:55 выход из дома. На работу доктор прибыл в 7:55, а ровно в 8:00 начал приём. Далее счёт времени и ощущение его течения были потеряны.

Как и за день до этого, в ничем не выделяющемся среди других, стандартизированном в соответствии с системой «5С» сером кабинете обыкновенной районной московской поликлиники приём вёл согласно принятым стандартам лечения врач, которому также предписано было быть под стать всему остальному: беспристрастным, безэмоциональным, безличным, непоколебимым в любой ситуации. А работа представляла собой конвейер из сменявших друг друга раз в десять минут пациентов, разница состояла лишь в причине их посещения и в том, что им нужно было от врача. Но это мелкое разнообразие в работе меркло на общем фоне каждодневного рутинного течения времени. И так было до 13:30, когда со своим ребёнком вошла она.

От воспоминаний той матери, её крупных карих глаз навывкате, большого носа и длинных тёмно-каштановых сальных волос, собранных в хвост, тонкокостных пальцев с грязью под ногтями, будто копала картошку, которыми она впивалась в одежду полуторогодовалого сына, сидевшего на руках, Михаилу Сергеевичу сделалось не по себе. Он посмотрел на кухонные часы, они показывали 16:55, и, выпив залпом содержимое бокала без закуски, налил ещё пятьдесят граммов. К сожалению, чувство тошноты не прошло и даже не убавилось, но и не усилилось. Лишь желудок напомнил о себе, забросив алкогольное содержимое обратно по пищеводу, чем снова обжёг и без того воспалённую слизистую. Будучи врачом, Михаил Сергеевич не курил, бросив пагубную привычку на третьем курсе медицинского института. Но ничего не мог с собой поделаться в моменты крайнего нервного напряжения, поэтому достал пачку сигарет из кармана брюк, которые не снял по приезде домой, и закурил. В голове снова промелькнули слова из теперь уже далёкой юности, будто это было в прошлой жизни: «Детки будут смотреть на тебя словно на последнюю надежду, а родители – с невероятной благодарностью за спасённое здоровье или даже жизнь их ребёнка».

Что-то ему не понравилось, когда вошла та женщина со своим отпрыском: то ли взгляд, то ли неухоженный вид, а может, и едва уловимые нотки кисловатого запаха. Но как бы там ни было, доктор должен оставаться беспристрастным, поэтому, дежурно-доброжелательно улынувшись, Михаил Сергеевич, указывая на стул, обратился к матери.

– Здравствуйте! Проходите, садитесь. С чем вы пожаловали, что беспокоит?

– Здравствуйте, доктор, – скрипучим голосом и чуть шепелявя начала женщина. – У нашего ребёнка кафель уже месяц. Были у участкового педиатра, он нам назначил амброксол на неделю, мы пили мефяц, но нам не помогло.

– Понял, – заноса жалобы в протокол осмотра, произнёс Михаил Сергеевич. – Скажите, пожалуйста, кашель сухой, чаще в ночное время или в дневное?

– Да, как положим ребёнка фпать, так начинает кафлять, никак не останавливается. Фсю ночь фпать на даёт, – раздражённо ответила мать пациента.

– Ага, ясно. Я так понимаю, кашель приступообразный? У ребёнка есть прививки?

– Да, кафль приступообразный, будто до рвоты доходит. А прививки мы не делали ещё.

После небольшого расспроса Михаил Сергеевич вымыл руки и приступил к физикальному осмотру. Считая частоту дыхания, он посмотрел на часы, они показывали 13:34; надо было поторапливаться. Закончив, резюмировал:

– Что я могу сказать: горло в порядке, в лёгких я не слышу ни хрипов, ни жёсткого дыхания, лимфоузлы в норме, температура не повышена. На основании вашего рассказа о характере кашля, отсутствии вакцинации, а также учитывая возраст ребёнка и неэффективность проведённой терапии, я могу заподозрить, прежде всего, коклюш, – заключил доктор. – Поэтому поступить следует так: я назначу вашему сыну на пять-семь дней терапию, в течение этого времени необходимо будет сдать анализы крови и мочи, направления выпишу, а также провести рентгенографию грудной клетки и мазки на коклюш, которые проводятся двукратно через день.

Глядя сквозь покрытое пыльным налётом стекло приоткрытого окна, Михаил Сергеевич курил, стряхивая пепел в цветочный горшок, где рос кустистый плющ. Он сделал ещё глоток коньяка, тут же налив в бокал снова пятьдесят граммов, и перевёл взгляд на кухонные часы. Стрелки показывали 17:00.

После озвученного доктор, оставив мать с пациентом одних, пошёл к заведующей отделением, находившейся через кабинет, чтобы спросить о возможности проведения мазков на коклюш, так как ещё недавно ответственная за это медсестра находилась на больничном. Возвращаясь к себе, он посмотрел на время – 13:38. За считанную пару минут Михаил Сергеевич заполнил протокол, взяв за основу изначально один из заготовленных шаблонов, распечатал направления на обследования, план лечения. После чего с миром, с Богом отпустил неприятную ему женщину с её ребёнком.

Оставшиеся двадцать минут приёма пролетели быстро, без беготни и мороки: оба пациента пришли для выписки в школу и получения справок после болезни. Закончив приём ровно 14:00, доктор был приятно удивлён столь точному соблюдению регламента и отсутствию задержки в работе, поэтому с чувством выполненного долга решил пойти пообедать полчаса, а оставшиеся полтора часа потратить на возвращение карт пациентов в хранилище, открытие больничных листов и работу с документацией.

Зайдя в зелёно-серую, тускло освещаемую, пропахшую кислым запахом комнату для приёма пищи, которая находилась в подвале лечебного учреждения, Михаил Сергеевич с радостью обнаружил, что там не было никого из коллег. Он поставил свой контейнер с рисом и тунцом в микроволновую печь, как вдруг услышал короткий, отрывистый сигнал телефона. Установив необходимое время и включив подогрев обеда, доктор потянулся в карман халата и вытащил телефон. Часы на экране показывали 14:13. А под ними было уведомление от банка: по его карте совершена покупка на сумму 136 рублей в супермаркете. Он располагался в левом крыле одноэтажного здания, находившегося примерно в двадцати метрах от территории поликлиники, в правом крыле была аптека.

Докурив, Михаил Сергеевич выбросил вонючий дымящийся окурок в приотворённое окно и снова залпом выпил содержимое бокала. Ни табачный дым, ни запах клопов от маслянистой жижи не могли перебить амбре от минтая, успевшего остыть, которое придавало воспоминаниям более яркую окраску, усиливая погружение в произошедшее. Даже несмотря на то, что в тот момент в комнате для приёма пищи стоял запах тунца.

Доктор был немало удивлён полученным уведомлением, так как прекрасно помнил, что заходил в тот отвратительный ему магазин около трёх недель назад, чтобы на скорую руку купить несколько бананов и банку энергетического напитка перед тренировкой. «Ладно, приеду домой и позвоню в службу поддержки банка, может быть, это сбой в мобильном приложении», – подумал Михаил Сергеевич, ставя контейнер с обедом и садясь за стол. Как вдруг на смену этой мысли молниеносно пришла другая, отбросившая прежнюю будто взрывной волной, так как само возникновение было подобно детонации в голове бомбе: «Так, погоди! А где моя банковская карта?!» Всё происходившее дальше всплывало в голове, будто покрытое пеленой по прошествии многих лет, несмотря на то, что минуло всего несколько часов.

Насколько можно быстрее Михаил Сергеевич ринулся на третий этаж, в свой кабинет, в считанные мгновения, по его ощущениям, преодолев шесть лестничных пролётов. Стараясь унять дрожь в руках, он торопился скорее открыть ключом замок. Ворвавшись в кабинет, доктор полез за своим рюкзаком под стол, чтобы проверить кошелёк. Но не обнаружил ни банковскую карту, на которую в тот день пришёл аванс, ни своё портмоне, где, помимо прочего, лежали паспорт, военный билет, страховой полис и куча всяких дисконтных карт. Одолеваемый ужасом, Михаил Сергеевич метнулся к шкафу, чтобы проверить карманы куртки, хотя был совершенно уверен, что после прихода на работу кошелёк лежал во внутреннем кармане рюкзака, который закрыл на молнию, большого отсека, который точно так же закрывался на замок. Обшарив карманы одежды, доктор лишь подтвердил свои догадки: они были пусты. Снова к столу, теща себя зыбкой надеждой на то, что искомое выпало и находится на дне или, что наименее вероятно, в другом отделе рюкзака. Пусто.

Голова шла кругом, ноги подкашивались, руки тряслись, и было ощущение, будто язык одеревенел. «Позвонить жене, узнать, может быть, она утром, уходя на работу позже меня, видела портмоне на столе в комнате!» – промелькнула мысль в голове среди других: заблокировать карты, звонить в полицию, известить начальство, бежать смотреть видео с камер в коридорах поликлиники. И только доктор достал из кармана телефон, как снова раздался короткий, отрывистый звонок и появилось уведомление об оплате картой в аптеке на сумму 200 рублей. Доктора пробил холодный пот то ли от осознания, что его кровные кто-то спускает направо и налево, то ли от забрезжившей надежды поймать воришку.

Скинув халат на кушетку для осмотра пациентов, не закрывая на ключ кабинет, потому что всё ценное уже было украдено, Михаил Сергеевич со всех ног бросился в аптеку. Никогда прежде так быстро он не бегал ни по лестницам, ни по улице. Влетев в торговый зал, где, на удачу, не оказалось покупателей, сбивчивым, запыхавшимся голосом как можно быстрее стал объяснять суть ситуации: он – доктор, работает в поликлинике рядом, украли кошелёк, сейчас по его карте была совершена покупка на 200 рублей. С выражением ужаса на лице фармацевт выслушала сумбурный рассказ и ответила лишь, что несколько минут назад некий молодой мужчина, «длинный, тощий, в кепочке», купил инсулиновые шприцы, что она рада предоставить запись с видеокамер, но только по запросу полиции.

Несолоно хлебавши Михаил Сергеевич с горечью на сердце вышел из здания, посмотрел по сторонам на улицу, по которой сновали люди. «Длинный, тощий, в кепочке, – крутилась у него фраза женщины. – Очень подробно. Да под описание кто только не подходит». С чувством нарастающей головной боли и ощущением разбитости доктор быстрым шагом побрёл в поликлинику. Он шёл по её тускло освещаемым коридорам, выстланным буро-серым гранитом, под озадаченные взгляды коллег и пациентов, мимо которых пронёсся ещё несколько минут назад. Поникший, зайдя в кабинет, он посмотрел на часы, стрелки показали 14:35. «Что же делать? Звонить в полицию или ждать, когда объявится вор? По-хорошему, дело уголовное, им должны заниматься полицейские, тем более их отдел находится в соседнем доме; с другой стороны, мне известны некоторые приметы преступника. Ведь пока я буду разбираться со стражами правопорядка, сукин сын может всплыть, но задержать его не удастся», – с горечью

подумал доктор. Как вдруг из заднего кармана брюк снова раздался короткий, отрывистый звонок. Достав оттуда телефон и посмотрев на экран, Михаил Сергеевич в третий раз увидел уведомление от банка: покупка на 648 рублей была совершена в том самом супермаркете. На лице молодого человека появилась злая улыбка, какая бывает, когда человек алчет расплаты и воздаяния. «Ну, сука, не уйдёшь!» – воскликнул доктор, будто с ним рядом в кабинете был ещё кто-нибудь, и со всех ног снова бросился к злополучному зданию, где располагались аптека и продуктовый магазин. Он бежал столь же быстро, как и прежде, в голове попеременно всплывали то слова фармацевта «длинный, тощий, в кепочке», то мысли о том, какой дорогой пойдёт вор от магазина и через какой выход с территории поликлиники выбегать ему навстречу.

Но чутьё не обмануло, выбежав за ворота и направившись по той же дороге, что в первый раз, он увидел длинного, тощего, в мерзко-жёлтой кепке мужчину, который, шатаясь, в двух руках нёс тяжёлые пакеты с продуктами. Быстро подбежав к предполагаемому вору, Михаил Сергеевич увидел уставившиеся из-под козырька на него рыбы пустые глаза, которые смотрели будто сквозь, и услышал произнесённое заплетающимся языком: «О, а это ты тут потерял?» Моментаً остановившись, поставив пакеты на землю и шатаясь на месте, тощий мужчина дрожащей рукой потянулся в задний карман джинсов. В эту пару секунд у доктора ёкнуло сердце – вдруг заточка. Но, будучи по своей натуре прагматичным и практичным человеком, Михаил Сергеевич никогда не выходил из дома без старого доброго складного ножа, напоминавшего по форме греческий копий, чей вес внезапно стал тянуть правый карман брюк, к которому машинально потянулась рука. Глупо, безрассудно и уголовно наказуемо устраивать посреди оживлённой улицы бой на ножах, но что делать, если вопрос касается не только возвращения кровных, но и жизни. Явно нетрезвый гражданин, к счастью, вытащил две банковские карты и протянул кипевшему от злости ограбленному доктору.

– Где всё остальное?! Где паспорт?! Где лопатник?! Военник, кошелёк? – чувствуя, как им овладевает злость, кричал обворованный молодой человек.

– Где? – выдал запинаящимся языком, глядя куда-то в пустоту и продолжая шататься на месте, длинный, тощий любитель чужих денег.

– Я тебя спрашиваю! Где мои вещи?! – не унимаясь, горланил Михаил Сергеевич.

– А, дома, пойдём, – протянул смазано и нечленораздельно, поднимая пакеты с асфальта, обладатель жёлтой кепки. – Пойдём, мы всё отдадим. Нам чужого не надо.

Это был адреналиновый удар, от такого выброса надпочечниками гормонов голова совершенно перестала соображать. Едва слышимый здравый рассудок говорил не ходить с этим невменяемым ублюдком, потому что в подъезде, в лифте или в квартире всё может кончиться навсегда; надо брать за шкуру это абсолютно нетрезвое тело и либо вызывать сотрудников полиции, которые неизвестно когда приедут, либо волочить в отделение. Но подсознание кричало: «Менты не приедут, эту скотину ты не отведёшь к ним, уголовное дело не заведут! Иди, иди с ним! Если что, хотя бы поуродуешь, продав свою жизнь подороже! Отпустишь – никто тебе ничего не вынесет из дома. Не верь!»

И они побрели вместе в сторону шестнадцатиэтажки, находившейся в четверти километра от поликлиники. Не убирая руки от правого кармана брюк, Михаил Сергеевич шёл справа и на шаг сзади от пойманного вора, чтобы в случае чего не дать ему убежать и при этом иметь возможность удрать самому. Когда они проходили мимо парковки, располагавшейся рядом с забором лечебного учреждения, молодой человек услышал невероятно правдивую историю: доктор сам потерял портмоне, которое было найдено женой обладателя жёлтой кепки на этой самой парковке; они бы, конечно, вернули, но не узнали на фотографии в паспорте лицо, а фамилию, имя и отчество не соотнесли с тем, какое было у того врача, к которому приводили ребёнка. Конечно, Михаил Сергеевич не поверил ни одному слову, хотя бы потому, что никогда не ходил на работу через ту парковку и всегда держал кошелёк убранным как можно глубже в рюкзак.

Когда их пара доковыляла до подъезда и вошла в него, доктор совсем впал в безумное забытие, живя лишь рефлексам и не спуская руки с заветного кармана. Путь от двери до лифта в ожидании нападения. Подъём в тесной кабине, где в голове Михаила Сергеевича крутилась лишь одна мысль: «Ну, сука, дёрнись! Дай мне повод, я тебя изуродую!» Дальше холл от кабины до квартиры 348, двери которой открыла та мерзкая шепелявая дрянь, которая, увидев доктора, начала ещё и заикаться, потянувшись за буквально распотрошённым кошельком, лежавшим на комод в окружении документов и пластиковых карт.

Стоя к стене спиной, чтобы никто не возник внезапно за ней, Михаил Сергеевич услышал заготовленную заранее легенду о том, как сердобольная мать нашла портмоне на парковке, как они не смогли узнать на фотографии в паспорте врача, как не соотнесли фамилию имя и отчество с тем, у кого были на приёме. Затем последовало предложение забрать купленные на деньги доктора продукты, а получив отказ, всё тем же мерзко-смазанным голосом глава гнилой ячейки общества клялся на следующий день принести потраченные деньги.

Хлопнув дверью, Михаил Сергеевич спустился на лифте на первый этаж и как можно скорее вышел на улицу – ему нужен был свежий воздух. Оказавшись за дверью, он встал, словно вкопанный, держа в руках свой кошелек. Только в тот момент, когда всё было позади, доктор почувствовал, как пульсирует у него в висках, в животе появилась тупая, ноющая боль, и сильно захотелось по великой нужде. Он посмотрел на наручные часы: 15:07.

То, что происходило дальше, стало единым воспоминанием, состоявшим из разрозненных, рваных моментов осознания себя и данности: дорога до поликлиники, молчаливое возвращение в столовую за контейнером с несъеденным, остывшим обедом, подъём в кабинет, скорый сбор вещей, вызов такси до дома и пребывание будто в сомнамбулическом сне, по дороге покупка сигарет в магазине, находившемся с торца дома, вход в квартиру и разогревание обеда. Осознание себя пришло, лишь когда он сидел за столом, глядя на бутылку коньяка перед собой и тарелку, в которой лежали остывшие и уже покрывшиеся заветренной корочкой миски с картофельным пюре.

Михаил Сергеевич с горечью посмотрел на часы, стрелки показывали 17:15. Отвернувшись к окну, доктор торопливо дрожащей рукой достал сигарету из красно-белой пачки, на которой ярко выделялось предупреждение о том, что курение убивает. Но он в тот момент скорее мучительно умирал от осознания того, как подло, как по-скотски с ним поступили.

«За что они со мной так? – думал Михаил Сергеевич, убирая от лица зажигалку и с шипением выдувая удушливый дым в приоткрытое окно. – Столько лет в мединституте с бесконечными коллоквиумами, пересдачами "хвостов", ночными бдениями за книгами ради того, чтобы быть обворованным теми, кому ты искренне хотел помочь? – с досадой доктор проглотил пятьдесят граммов коньяка и затянулся, будто закусил. – Забрать у врача, того, кто тебе хотел бескорыстно помочь, последнее и тут же пойти тратить. А ведь как я мог поступить? Услышав их печальную историю о невероятно мучительном для ребёнка кашле, бессонных ночах родителей и неэффективной терапии амброксолом, назначить бромгексин на месяц, а потом пусть приходят и уже решают по факту. Мог откровенно "слить" их, завершив приём за пять-семь минут. Но нет, Михаилу Сергеевичу же больше всех надо! – повернув тело вполоборота к столу и не выпуская дымившейся сигареты из левой руки, доктор правой налил ещё порцию мерзостного для себя коньяка в бокал и махом тут же выпил. – Обошлись, как с половой тряпкой: вытерли грязные, кишаси нечистотами подошвы ботинок. Изо дня в день поступают, словно с дворовой псиной, не по своей воле оказавшейся на улице: крики, угрозы жестокой расправой, – и, в конце концов, тяжёлым ударом ноги пнули под зад. А ведь найдутся, даже среди коллег, те, которые скажут, что не все пациенты такие, не надо всех под одну гребёнку. Конечно, не все: воруют единицы, остальные просто грубят и угрожают исками в суд, жалобами главному врачу и в департамент. Что и говорить, если ежедневное хамство стало восприниматься уже как норма. Как с псиной... И вот стоили те семь лет того? Если б знать, где упадёшь... Да чего

теперь рассуждать об этом – не вернуть годы. Остаётся уйти в какую-то другую сферу деятельности, заняться чем-нибудь ещё, да только куда, если ты ничего не умеешь делать, кроме как лечить детей!» – стоя возле приоткрытого окна, размышлял молодой, но уже успевший немало повидать на своём профессиональном поприще доктор.

Стрелки часов показывали 19:30, когда полтора года спустя в просторном, ярко освещённом десятком ламп зале под благоухание ароматов дорогого парфюма и игристых вин, в атмосфере интеллигентности и доброжелательности среди нескольких сотен гостей Михаил Сергеевич получал награду в области литературы за изданную им книгу, в которой он колко и без прикрас изложил все перипетии, выпавшие на его врачебном пути, приправив это злой иронией вкупе с хорошим юмором. Он пытался быть если не лучшим врачом, то хотя бы одним из, жить и работать в соответствии с привитым ещё в институте принципом «Сгорая сам, свети другим». Но когда тебя постоянно сдувают и гасят, не остаётся ничего, кроме как уйти, пока тебя не потушили или ты сам не потух навсегда. Вот и Михаил Сергеевич ушёл пылать для себя и тех, кому это нужно.

Лужа

Когда Антон находился в перегоне между станциями «Фрунзенская» и «Спортивная», в его голове всплыли слова, произнесённые восторженным тоном полторы недели назад одногруппником: «Тоха, поехали двадцать восьмого числа на футбол, московское дерби! Пива попьём, по шаурме съедим, на секторе поорём!» «Слушай, Сань, я бы с радостью, но мне надо на дачу уезжать вечером, после учёбы, ехать помогать отцу траншеи копать», – ответил он, изобразив сильную досаду оттого, что не сможет попасть на матч между ЦСКА и «Спартак», и думая в тот момент о назначенном им две недели назад свидании с подругой сестры. «На переправе коней не меняют. Уговор дороже денег. Назвался груздём, полезай в кузов», – повторял про себя герой-любовник, глядя в глаза приятелю, как бы в оправдание своего отказа и лжи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.